

О.А. АЛЕКСАНДРОВА

Идейный фон становления российского среднего класса

Состояние среднего класса - один из индикаторов уровня развития экономики и характера политической системы. Значительная доля этого слоя в обществе свидетельствует об относительном благополучии страны. Не случайно формирование массового среднего класса на всех этапах реформ в России декларируется как одна из целей преобразований.

Но достичь ее, по признанию самих реформаторов, в частности А. Чубайса, так и не удалось [1]. Еще недавно исполнительная власть с уверенностью говорила о достижении данной цели в краткосрочной перспективе. Правда, уже иными путями. Если в начале реформ провозглашалось, что массовый средний класс возникнет как широкий слой частных собственников в результате непосредственной передачи бывшей государственной собственности раскрепощенным для частной инициативы российским гражданам, то теперь вывод о скором формировании массового среднего класса обосновывается:

- неизбежностью возникновения у крупных собственников острой нужды в услугах специалистов и управленцев и мультипликативным эффектом от этого для других рынков [2];
- макроэкономической стабилизацией, создающей условия для внешних и внутренних инвестиций [3].

Гарантирован ли результат на новом этапе?

Известно, что концентрации капитала и собственности и ориентации их владельцев на максимизацию прибыли отнюдь не достаточно для обеспечения занятости средних слоев. Например, в 1912 году, когда в США финансовый капитал достиг гигантских успехов (доминанта финансовой олигархии, состоящая из Дома Морганов и его сателлитов, контролировала 341 корпорацию с суммарной капитализацией в 22,2 млрд долл.), В. Вильсон констатировал, что "средний класс выжимается все больше и больше в результате тех процессов, которые мы называем процветанием" [4, с. 133]. К 1929 году, когда централизация финансового контроля стала еще более значительной (более 2400 корпораций с чистым активом в 74 млрд долл, контролировались 167 персонами), уже миллионы безработных всех профессий "были выброшены из нормального образа жизни в нищету и деградацию пауперизма" [5, р. 10].

Не достаточно прихода в страну крупного иностранного капитала. Еще в 1935 году Л. Кори обращал внимание на то, что в экономически слабых странах действия крупного иностранного капитала препятствуют нормальному развитию среднего класса: индустрия этих стран подавляется в пользу экспортирования сельскохозяйственной продукции и сырья, а промышленные товары импортируются; развиваются только те

отрасли, которые доминируют над экономикой и приносят сверхприбыли: энергетика, добыча ископаемых и транспортные артерии. В результате развитие этих стран получается неполным, "обкорненным" и, соответственно, "не формируется средний класс, способный вести борьбу за власть и создание демократических традиций" [5, p. 145].

Подтверждение тому - опыт ряда стран Латинской Америки, испытавших после ухода иностранных монополий острый дефицит в собственных квалифицированных кадрах. И уже в новейшей российской истории мы видим настойчивое лоббирование транснациональными корпорациями законодательных норм, дискриминирующих отечественное машиностроение и транспорт при разработке российских недр с участием иностранных инвесторов¹.

Не достаточно для активизации инвестиционного процесса и внутренних финансовых ресурсов. Хотя частный сектор и распоряжается значительной частью национального дохода, это не становится фактором инвестиционного роста [6].

Необходимое условие для того, чтобы каждый из указанных факторов инициировал экономический рост и через него формировал массовый средний класс, - способность общества как совокупности экономических субъектов осознавать свой долгосрочный интерес и руководствоваться им. Средний класс как раз и является признанным носителем такого рода экономического рационализма. В нашей ситуации возникает замкнутый круг: экономического развития, способствующего становлению массового среднего класса, не происходит, потому что в обществе не сформировался средний класс, который способен рационализировать общественное бытие.

Процесс становления среднего класса в России обычно описывается в категориях "зарождения". Но представляется, что ситуация выглядит несколько иначе. В российском обществе есть значительная атомизированная масса индивидуумов, которые вполне могут быть отнесены к среднему классу по ряду существенных признаков. Но нет среднего класса как интегрированного субъекта, выполняющего свою специфическую экономическую и социально-политическую роль.

Что же препятствует превращению атомизированной массы индивидуумов в нечто целое, объединяемое понятием "средний класс"? Необходимая основа для формирования среднего класса в России может быть описана в виде триады, состоящей из ресурсной, мотивационной и идеологической предпосылок.

Ресурсная предпосылка включает в себя потенциальные источники рекрутирования в средний класс и состоит из: имевшихся в социальной структуре советского общества массовых социальных слоев, обладавших рядом значимых профессионально-квалификационных и ценностных признаков среднего класса; возникших в ходе реформ массовых социальных слоев, которые могут быть отнесены к среднему классу по ряду признаков, связанных с родом занятий. Мотивационная предпосылка состоит из: социальных групп, имеющих притязания на соответствующий социально-экономический статус и мотивацию на его достижение; социальных групп, у которых, несмотря на наличие ряда ресурсов, в настоящий момент соответствующая мотивация отсутствует. Третья из необходимых предпосылок включает в себя ряд социокультурных факторов, образующих интегрирующую идеологическую рамку.

Из-за распространенности исключительно "надстроечных" представлений об идеологии чаще всего речь ведется об одной стороне процесса формирования среднего класса - создании экономической основы. Однако история становления обществ с сильным средним классом и его кризисов свидетельствует о том, что самостоятельную и важную роль в его положении играет и другая - идейная - основа.

¹ См., например, Закон Российской Федерации "О соглашениях о разделе продукции", принятый Государственной Думой в июне 1995 года и отклоненный Советом Федерации в октябре 1995 года.

Конфликт ценностей и кризисы среднего класса

"Не трудно обрисовать тот ущерб, который был нанесен среднему классу комбинацией инфляции и налоговой системы. Но он страдает в равной степени - и в течение более долгого периода - в борьбе идей", - пишет английский социолог П. Хатбер. И поясняет: средний класс вполне сознает урон, наносимый его достигательным ценностям слишком социальным государством, но не решается протестовать прежде всего из-за боязни изменить другим своим ценностям - ценностям прогресса и гуманизма. Ибо одной из великих функций среднего класса была в первую очередь функция интеллектуального обеспечения движения по пути усиления цивилизации. "Возможно, он слишком успешно выполнил эту задачу", - резюмирует Хатбер [7, p. 85].

В аналогичной ситуации идейной дилеммы оказался американский средний класс во времена Великой депрессии. В свое время средний класс, утверждая идейно и практически ценности капитализма, настаивал на свободном и универсальном праве собственности, видя в нем единственную гарантию свободы и демократии и способ преодоления бедности и незащищенности. Однако с наступлением монополистической эпохи прогресс в борьбе с бедностью и незащищенностью стал замещаться мультипликацией безработицы и созданием новой бедности. Сжатие экономических возможностей с неизбежностью приводило к сокращению демократических прав, порождая порочный круг. Но бороться с монополией в рамках неизменной системы ценностей средний класс не мог, так как в отличие от раннекапиталистической стадии теперь монополия была не результатом политических привилегий, а логичным следствием утверждения неограниченных экономических свобод. И сохраниться мелкие производители могли, только если ограничить экономический прогресс и эффективность.

Как же разрешить эту идейную дилемму? При всем различии исследуемых эпох и политических предпочтений исследователей выход из идейного (а через него - и общего) кризиса видится в интеллектуальном прорыве, совершаемом средним классом, на тот уровень понимания, с которого положение уже не воспринимается как дилемма. Ключ - в обращении к фундаментальной системе ценностей.

По мнению Хатбера, среднему классу нужно понять, что его оформление в самостоятельный субъект политического процесса желательно не только для отдельных индивидуумов, но и для нации как целого. Общество, в котором правительству приходится слушать только то, что хочет Конгресс британских тред-юнионов, гораздо хуже общества, в котором носители иных интересов отстаивают свои права.

Главной интегральной характеристикой среднего класса является, по мнению Хатбера, бережливость - "готовность отложить удовлетворение потребностей сегодня, с тем чтобы иметь больше возможностей когда-нибудь в будущем" [7, p. 13]. Но это качество (так же как и другая фундаментальная ценность среднего класса - свобода выбора) имеет смысл и возможна, только если индивидууму остается достаточная часть его дохода. Следовательно, проблема налогов - центральная для сохранения среднего класса и свободного общества. Поняв это, средний класс, даже требуя ограничения социальной экспансии государства, сможет продолжать считать себя прогрессивной силой.

Аналогичным образом рассуждает Л. Кори. Среднему классу следует хорошо осознать разницу между своими нынешним и прежними кризисами. В отличие от последних, проходивших внутри отношений собственности, кризис 20-х годов развивался преимущественно вне этих отношений: для вытесненного из владения собственностью большинства среднего класса это был уже кризис не собственности, а занятости. В такой ситуации среднему классу логично было бы отбросить и "старые иллюзии" (не имеющим собственности элементам среднего класса нет смысла бороться за права собственности, они должны бороться за право работать и жить), и "прежние верности"

(большинство членов среднего класса приносит на рынок то же, что и рабочие, - свою квалификацию и трудовые навыки, они в той же степени социально незащищены).

И это не должно ощущаться средним классом как предательство своих идеалов. Ибо "великим культурным выражением" буржуазной борьбы за власть было Просвещение, означавшее постоянную борьбу за новые, все более высокие формы человеческого контроля над его средой и отказ принимать традицию как данность. Теперь традиционным стал капитализм, а порожденный им фашизм угрожал будущему самой цивилизации. К тому же средний класс уже серьезно пересматривал взгляды, когда, желая защитить свою мелкую собственность от экспроприации крупномасштабной индустрией и сконцентрированным капиталом, настаивал на регулировании государством свободы предпринимательства и конкуренции. Иными словами, он призывал ограничить экономическую свободу, которую ранее полагал самодостаточной для реализации экономического равенства, и желал восстановить (теперь уже в своих интересах) политические ограничения и привилегии, отмены которых когда-то требовал.

Что же касается существа идей, составляющих основу идеологии преодоления кризисов среднего класса, то оно заключалось в необходимости последовательно ограничить возможности тех субъектов, которые способны препятствовать свободной частной инициативе и равной конкуренции, будь то на рынке производства товаров и услуг, на рынке труда или на рынке политического выбора. В различные периоды это в равной степени оборачивалось как против всеислия крупного капитала, так и против всеислия и чрезмерных полномочий профсоюзов и государства - в зависимости от источника основной угрозы благополучию среднего класса.

Российская ситуация: "значимые ценности - плата за них" ?

В России одновременно действуют разнонаправленные факторы, представляющие угрозу для среднего класса. С одной стороны, чрезвычайная концентрация крупного финансового капитала, генетически связанного с властью, с другой - сохранение значительного (хотя при этом не ограничивающего крупный капитал) государственного регулирования в экономике, а также увеличение доли социальных расходов государства на поддержание количественно растущих нижних слоев.

В результате одна часть бывшего "советского среднего класса" утратила материальный и социальный статус и в значительной степени возможности для его восстановления. Другая же часть хотя и сохранилась экономически (в основной массе - с потерей или резким снижением профессионально-квалификационного уровня) по-прежнему не является значимым для власти субъектом политического процесса.

Мелкопредпринимательский слой сегодня существенно ограничен в реализации имманентно присущих ему установок на развитие и мобильность, при том, что ограничения эти связаны не с реальной конкуренцией, наличием на рынке безусловных и стабильных лидеров, а с полукриминальным или криминальным разделением рынков и поддержанием *status quo*. Однако в силу зачастую вынужденной незаконопослушности он ограничен и в возможности изменить ситуацию политически - попытки оказать финансовую и организационную поддержку неугодным кандидатам быстро пресекаются "натягиванием поводка".

Идеологически происходящее обычно описывается формулой "значимые ценности - плата за них" [8]. Реализованными провозглашаются ценности индивидуализма и политические свободы. Именно в таком ключе действует направленная на средний класс пропаганда.

Серьезность влияния последней на идейный фон становления среднего класса, на мой взгляд, связана с тем, что начавшиеся в середине 80-х годов реформы не были инициированы снизу, и следовательно, в обществе (даже в его более продвинутой и рефлексивной части) самостоятельно не вызрела логически последовательная система взглядов относительно фундаментальных основ иного общественного порядка.

В то же время информационно-пропагандистский комплекс, ставший одной из немногих бурно развивающихся в России отраслей, своим развитием обязан потребности радикальных реформаторов в контроле над политическим процессом, включая информационную компенсацию серьезных издержек в экономике. Что, кстати, проявилось совершенно открыто в 1997 году, когда отвечающий за экономику первый вице-премьер стал официально курировать средства массовой информации (СМИ).

Одной из важнейших предпосылок западного индивидуализма был радикальный отказ средних слоев от патриархальных пут, трансформировавшийся в ходе секуляризации в признание исключительного верховенства формального закона. В России же "индивидуализм" стал отождествляться не с диктуемой стремлением обрести автономность и суверенность склонностью к жесткой, формализованной регламентации всех сфер жизни, а с решением проблем "в индивидуальном порядке" с конкретным чиновником.

Такая подача "индивидуализма" тесно связана с преподносимыми публике "идеями" о роли государства. Один из примеров - провозглашенная в передаче "Час быка" (апрель 1998 года) ориентированного на средний класс канала НТВ альтернатива "сильное государство или интересы конкретного человека". На самом же деле с точки зрения интересов среднего класса принципиально, при каком уровне экономического развития (и, соответственно, системе общественных отношений) провозглашается принцип *laissez-faire*. Как известно, экономический либерализм - понятие амбивалентное. Оно может использоваться как для защиты свободного предпринимательства, против классовых привилегий и засилья корпораций, так и для обоснования всевластия последних [9].

Существенным следствием такого различия западного и российского "индивидуализмов" стало то, что первый представляет собой угрозу авторитаризму и тирании, в то время как второй, напротив, неминуемо к ним ведет. Еще Б. Франклин указывал, что "деспотизмом всегда заканчивались такие формы правления, при которых люди становились столь коррумпированными, что уже не были способны воспринимать иного правления, кроме деспотического" [10, с. 68].

Что же касается реализации свободы слова, то характерна следующая ситуация: всякий раз (хотя случается это достаточно редко), когда в радио- или телевизионном эфире внятно и доказательно критикуется исполнительная власть, причем не принадлежащими к коммунистической оппозиции людьми, ведущий заключает передачу словами: "Но главное - это то, что сегодня, говоря все это, мы не оказываемся в ГУЛАГе". Поставленный таким образом акцент вытесняет на периферию сознания вопрос о смысле данной свободы - механизме обратной связи между властью и обществом.

"Надежность" же гарантий данной свободы особенно наглядно проявляется в "судьбоносные" периоды народного волеизъявления. В последнее время претензии по поводу "приватизации" СМИ крупным капиталом стали парироваться тезисом об обеспечении плюрализма разнонаправленностью эгоистических интересов собственников масс-медиа, подтверждением чему, мол, являются банковские информационные войны. Однако в такой аргументации как бы не учитывается общность генетического происхождения российского капитала и его заинтересованность в несменяемости власти. И как только затрагивается этот фундаментальный интерес, разногласия откладываются в сторону вместе с плюрализмом.

Все это имеет отношение к другой из провозглашенных реализованными ценности - свободе политического выбора. В свое время президент США Вильсон указывал на политическую коррупцию как на основную угрозу среднему классу и стабильному порядку: если законы не защищают слабых от сокрушения сильными, а граждане осознают, что соперничающие партии субсидируются одними и теми же людьми, то граждане приходят к выводу о бесполезности апеллирования к любой из них [4]. В России же власть даже не скрывала (постфактум), что и некоторые из кандидатов в президенты, и основные соперники на региональных выборах финансировались прак-

тически из одних рук - лояльными ей коммерческими структурами. Это выдавалось обществу за содействующий стабильности позитивный факт и, судя по всему, должно было продемонстрировать могущество и управленческий талант тогдашнего руководителя администрации Президента - А. Чубайса. И это при том, что он же является одним из главных соучредителей "Фонда защиты среднего класса"... . Похоже, подобное будет практиковаться и в ближайшей политической перспективе. Это тем более серьезно, что касается и тех, кто провозглашает себя "демократической оппозицией". Так, трудно не заметить совпадение частого и гораздо более позитивного освещения в эфире деятельности "демократической оппозиции" с положительной оценкой, которую публично дал способности ее лидера обеспечить "преемственность" Б. Березовский. Получается, что "олигархи" (о поддержке публично заявил и глава "Медиа-Мост" В. Гусинский), более всего заинтересованные в сохранении *status quo*, увидели силу, способную удовлетворить их интерес, в... "демократической оппозиции", основные претензии которой к нынешней власти были связаны с проведенной известным образом приватизацией. Но парадокса здесь нет. Во-первых, лидер "демократической оппозиции" Г. Явлинский уже неоднократно высказывал публично идею о том, что как бы "плохо" ни была проведена приватизация, ее пересмотр не рационален, главное - дальше действовать в интересах большинства.

Идея "подведения черты" имеет свой смысл, но возникает несколько вопросов. Так, в соответствии с Гражданским кодексом сделки, совершенные с существенными нарушениями закона, подлежат расторжению. Сегодня этого не происходит исключительно в силу отсутствия в стране действительно независимого правосудия. И обеспечить *status quo* можно, лишь соблюдая "преемственность" и в отношении к правосудию. Такая коллизия разрешима без грубого поспраия закона при наличии в обществе готовности вновь начать жизнь с "чистого листа". Но и в этом случае требуется законодательное оформление такого решения. Если же не будет общественного согласия на то, чтобы безусловно рентабельные и стратегически значимые для экономики страны предприятия в условиях жесточайшего экономического кризиса оставались в руках незаконных владельцев, "демократическая оппозиция" окажется в ситуации, когда уже ради ее - "гаранта стабильности" - сохранения у власти будет попирается демократия.

Во-вторых, в 1998 году на мартовском съезде "Яблока" его лидер заявил, что не стоит в борьбе с нынешней системой рассчитывать на финансовую поддержку мелкого бизнеса - он слишком слаб. Скорее сами олигархи, которых тяготит нынешняя нестабильность, предпочтут рискованным сверхприбылям демократическую социально-рыночную систему [11]. Однако если с первой частью утверждения можно согласиться, то вторая кажется сомнительной.

Действительно, в свое время Ф. Рузвельт, заявлявший приоритетом своей политику баланс интересов, был поддержан частью крупнейшего американского бизнеса. Но тогда опасность потерять все была весьма реальной: в Европе набирали силу фашизм и коммунистический тоталитаризм, а американское общество имело позитивную историческую память относительно вооруженной защиты своих интересов и реальный доступ к оружию. Нынешняя же ситуация в России характеризуется, по оценкам специалистов, в целом низким протестным потенциалом и его "очаговостью". В общественное сознание внедрен тезис об исчерпании Россией лимита социальных потрясений. Значительная часть капиталов находится за рубежом. Поэтому причину, по которым российские "олигархи" уже сегодня могли бы "дозреть" до серьезного пересмотра своих роли и места, не кажутся столь уж очевидными.

Более существенным представляется то, что в отличие от рядовых избирателей крупный капитал оценивает не декларации, а реальную деятельность. Основной же претензией, предъявляемой частью специалистов к двум инициативно разработанным фракцией "Яблоко" проектам законов, касающихся стратегических вопросов экономического развития страны - бюджета и природных ресурсов, является не просто

недостаточно жесткая регламентация деятельности исполнительной власти, но создание новых механизмов для произвольных решений².

Позитивным объяснением такой ситуации могло бы стать предположение, что "Яблоко", декларирующее принцип "честности в политике", закладывает подобную "свободу маневра" для правительства в расчете на свой приход к управлению страной. Однако известно, что основной чертой западной правовой и политической культуры является безусловный расчет на "худший", а не на "лучший" случай. И именно такой подход провозглашало "Яблоко" в момент своего основания, отвергая с этих позиций проект Конституции 1993 года. Подобная эволюция взглядов "демократической оппозиции", по-видимому, и позволяет крупному капиталу связывать с ней свой интерес в "преемственности".

Таким образом, не приходится говорить о реализации значимых для среднего класса ценностей в ситуации:

- тотального контроля власти и криминала над частными и государственными предприятиями, обусловленного вынужденным нарушением закона практически всеми участниками хозяйственной деятельности;
- отсутствия реальной независимости у судебной системы;
- монополизации СМИ исполнительной властью и вскормленным ею крупным капиталом;
- нынешнего избирательного законодательства, превращающего выборы в состязание "денежных мешков".

"Законопослушность" и "политический консерватизм" в современной российской интерпретации

Существенное влияние на представления и поведение индивидуумов, идентифицирующих себя со средним классом, оказывает получаемая ими через СМИ информация о присущих "настоящему" среднему классу чертах. Со ссылками на западное общество педалируются такие качества среднего класса, как его законопослушность, ориентация на собственные силы и политический консерватизм. Однако в транслируемых СМИ интерпретациях эти характеристики либо искажаются, либо используются без привязки к историческому контексту.

Так, частое упоминание законопослушности не сопровождается адекватной по объему и полноте информацией о выработанных западной цивилизацией механизмах контроля общества за властью, т.е. о том, что делает законопослушание рациональным. Напротив, всякий внешний для исполнительной власти контроль интерпретируется СМИ исключительно как конфронтационное действие, направленное на дискредитацию реформ и реформаторов.

Но тогда под законопослушностью подразумевается вовсе не следование формальному закону, а покорность законам негласным. Главный признак такой "законопослушности" - неучастие в акциях протеста, особенно с "политическими требованиями". Отсюда - извиняющийся тон протестующих бюджетников: "Уж если мы (надо понимать - "такие законопослушные") вышли, то...". А ведь времена, когда средний класс освобождался от сдерживающих его пут, вовсе не были пасторальной картинкой. Интерпретируемая таким образом "законопослушность" среднего класса является к тому же антитезой рабочему движению. Хотя именно сильное рабочее движение и связанные с ним политические партии в аналогичных российской ситуации сыграли основную роль в превращении изначально дихотомичных обществ в "общества среднего класса" [12, 13]. Что же касается ориентации среднего класса на

² См., например, Заключение Счетной Палаты Российской Федерации на проект федерального закона "Об участках недр и о месторождениях полезных ископаемых, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции" от 13 июня 1997 года, а также Заключение Счетной Палаты Российской Федерации на проект Бюджетного кодекса Российской Федерации, принятый Государственной Думой в первом чтении 9 сентября 1997 года.

самообеспечение, то она по понятным в ситуации перманентного бюджетного кризиса причинам интерпретируется в первую очередь как его собственная незаинтересованность в помощи со стороны государства и следующие из этого социальные безучастность и эгоизм.

На самом же деле, если стремление опираться на свои силы как ценность у среднего класса сохранялось всегда, то его взгляды на функции государства эволюционировали вместе с меняющимися условиями жизни. Когда исповедуемого пуританами "жизненного метода" было достаточно для обеспечения приемлемого уровня жизни, они способствовали ужесточению законодательства о бедных. Когда же большинство среднего класса превратилось в социально незащищенных наемных работников, роль государства в обеспечении социальных гарантий была серьезно пересмотрена. Причем важно, что идеологический сдвиг в сторону более социального государства произошел гораздо раньше, чем для этого возникли материальные условия. Так, еще в 1931 году Рузвельт (тогда губернатор) заявил, что правительству необходимо вменить в обязанность спасение от голода и нищеты тех граждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя, а в 1933 году основой его "нового курса" стала национальная кампания по обеспечению народа работой. И в Англии концептуальный фундамент "английского социализма" - план Бевериджа - был создан и получил беспрецедентно широкое обсуждение и поддержку в обществе в 1942-1945 годах [14].

Неверно говорить и об однозначно безучастном (или даже неприязненным) отношении среднего класса к менее багополучным слоям. В XVII веке К. Мэзер называл одним из главных пороков Старого Света, побудивших пуритан к переселению, "отношение к людям, особенно бедным, как к тяжкому бременю". И Кодекс Новой Англии от 1650 года говорит о том, что американские законодатели понимали обязанности общества в отношении своих членов гораздо шире и возвышеннее, нежели европейские законодатели того времени. В штатах Новой Англии, например, бедняки были на полном обеспечении общества с момента его возникновения [15]. В 70-е годы XX столетия Хатберу приходится убеждать английский средний класс в том, что тот не сдвигает своим бытием рабочий класс вниз, и доказывать, что, скорее, верно обратное. Тем не менее уже в конце 80-х годов исследователи обнаруживают, что сочувствие в обществе к более бедным слоям растет и имеется большее желание платить необходимые для их нужд налоги, чем это было в 70-х годах [16].

Безусловно, среднему классу небезразлично, кому и во имя чего помогать. И трудно разделить, что здесь от гуманизма, а что - от разумного эгоизма. Причем последний подразумевает не только желание избежать роста экстремизма. Имеются серьезные основания говорить о том, что из государственного социального обеспечения выгоду прежде всего извлекали средние слои: во-первых, благодаря созданию новых рынков с рабочими местами и платежеспособным спросом, во-вторых, в связи с тем, что именно средний класс с его ценностями и образом жизни является одним из главных потребителей предоставляемых государством социальных благ.

Что же касается "культивирования" в российском среднем классе политического консерватизма, то вернее говорить о поощрении его политической индифферентности. В общественном мнении разными способами, прежде всего осознанной дискредитацией ряда институтов демократии (в первую очередь тех, что по своей природе призваны оппонировать исполнительной власти), создано такое представление о политике, что не только активное участие, но даже сам интерес к ней представляется бессмысленным и недостойным занятием.

Это настолько вошло в традицию, что демонстрация своей дистанцированности от политики и презрительное отношение к парламенту считается хорошим тоном. Весьма примечательный пример можно обнаружить в "Новой газете". На протяжении ряда номеров она агитировала своих вполне "среднеклассовых" читателей за кандидатур в депутаты Мосгордумы - сотрудников газеты. Один из них, Е. Бунимович, незадолго до выборов опубликовал статью "Средний класс, который есть, которого нет", где задавался вопросом о том, почему в отличие от живших несколько столетий назад

"беглых каторжников", сформировавших американское общество среднего класса (версия Е. Бунимовича. - *О.А.*), современным и высокообразованным россиянам это никак не удастся [17]. В этой статье ответа не содержалось, но он легко обнаруживается в другом его материале. Под поразительным (поскольку автор к тому времени уже был избран депутатом) заголовком "Сто дней где-то около власти" содержится ритуальный набор приемов дистанцирования от представительной власти (вплоть до упоминания о ковырянии в носу депутатами Государственной Думы) и обозначен лишь такой способ взаимодействия "представителя граждан" и исполнительной власти, как обращение к ней с просьбами [18].

Понятно, что к цивилизованной модели взаимоотношений среднего класса и власти это не имеет никакого отношения. Напротив, как верно замечает Хатбер, ничто не может быть более фатальным для интересов как среднего класса, так и страны в целом, чем тот тип известного цинизма или утомленной индифферентности, который отказывается заинтересоваться политическим процессом. Если, оправдывая свою отстраненность, постоянно повторять, что политики либо глупы, либо продажны и своекорыстны, то это все меньше становится неверным: чем ниже репутация политики и политиков, тем менее вероятно, что первая привлечет тех рекрутов, в которых она нуждается, и тем более вероятно, что последние будут вести себя плохо. Кроме того, если средний класс не будет информировать своих депутатов через небольшие группы местных граждан о своем мнении, то даже самый сочувствующий член парламента так и не узнает, что некоторые идеи, которые он лично давно исповедует, но считает безнадежным их достижение в современном идейном климате, в реальности имеют за собой организованные группы поддержки [7].

Формат статьи не позволяет подробно проанализировать и другие составляющие современный идейный фон сюжеты. Среди наиболее важных - широко практикуемое использование ссылок на зарубежный опыт. В этом случае необходимый в пропагандистских целях образ возникает с помощью умолчания. Например, даже специалисты (не занимающиеся данными вопросами) оказываются поражены, узнав, что в Польше - этом символе "шоковой терапии" - приватизация наиболее крупных предприятий еще не начиналась, а финансовая стабилизация прошла при единственной за все время реформ двухмесячной задержке индексации (даже не выплаты!) пенсий и заработной платы. Без полной и достоверной информации общество не имеет возможности сопоставлять действия своих и чужих реформаторов и достигнутые ими результаты. Вследствие этого оно оказывается неспособным и на адекватную оценку собственных перспектив: созданное пропагандой представление о российских реформах как о более медленных, нерешительных, но аналогичных приводит к необоснованным ожиданиям соответствующих экономических успехов.

Проблемы "идеального" характера имеют особое значение для среднего класса ввиду присущей представителям этого социокультурного слоя специфической потребности в «логической непротиворечивости и внутренней последовательности "картины мира"» [12]. Именно поэтому одна из важнейших причин, по которым в периоды своих кризисов средний класс адекватно и своевременно не воздействует на государство как группа давления, - возникшее у него состояние идеологической неопределенности. В результате изменившихся социально-экономических условий его интересы и ценности сталкиваются в кажущемся неразрешимым противоречии.

Разрешить "идейную дилемму" становится возможным через обращение к фундаментальным интересам среднего класса, "со-определяющим" ход идеальных построений. Такой подход позволяет ему уточнить иерархию своих ценностей и расставить приоритеты адекватно конкретным условиям.

Сложность современной российской ситуации заключается в том, что не имевшее к началу радикальных реформ четкой системы представлений о механизмах реальной

демократии общество (в том числе и потенциальный российский средний класс) своевременно не противостояло (а иногда даже способствовало) процессу монополизации СМИ исполнительной властью непосредственно или через связанные с нею финансовые структуры. В результате потенциальный средний класс оказался погруженным в информационный и идейный контекст, не способствующий выполнению им своей специфической экономической и социально-политической функции.

Альтернатива "значимые ценности - плата за них", в которую усилиями пропаганды загнан не осознающий подмены представитель потенциального среднего класса, оказывает блокирующее воздействие на его участие в политическом процессе. Есть и деморализующий эффект от психологической фрустрации, связанной с тем, что логически долженствующая быть позитивной связь между реализацией ценностей и интересов таковой в реальности не оказывается.

Все это имеет непосредственное отношение к формированию экономической основы для среднего класса, поскольку там, где психологические факторы служат препятствием рациональному жизненному поведению, развитие экономического рационализма наталкивается на серьезное внутреннее противодействие. Представляется, что именно состояние третьей из необходимых для становления среднего класса предпосылок и не позволяет массе индивидуумов, обладающих рядом признаков среднего класса, превратиться в то объединяемое понятием "средний класс" целое, что могло бы существенным образом изменить господствующий тип экономического рационализма.

Таким образом, одним из решающих факторов становления российского среднего класса является создание условий для превращения его из дезориентированного и деморализованного объекта манипуляций в действительно самостоятельный субъект политики. Но это требует изменения системы управления СМИ и финансирования избирательных кампаний, в ходе которых неизбежно актуализируются идейные дискуссии.

Существующий порядок финансирования избирательных кампаний делает практически невозможным доступ в информационное пространство кандидатов, не представляющих интересы официальных властей и крупнейших финансовых структур. Хотя механизмы, ограничивающие власть денег, хорошо известны и широко применяются в странах Запада. Что касается СМИ, то принципиальный подход хорошо сформулирован А. Панариным: если СМИ - это власть, значит, к ним приложима вся проблематика, связанная с новоевропейским дискурсом о власти. То есть законодательное регулирование должно отвечать на вопросы: насколько эта власть демократична и соответствует принципу пропорционального (адекватного) представительства; насколько реализуется принцип "сдержек и противовесов"; каковы механизмы защиты от возможных злоупотреблений власти [20]. Наличие либо отсутствие каких-либо реальных усилий в этих двух направлениях со стороны власти, декларирующей заботу о становлении среднего класса, является лакмусовой бумагой на ее искренность и истинные намерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чубайс не читатель, Чубайс- писатель // Коммерсантъ-daily. 1997. 28 октября.
2. Замечен из-за прилавка // Эсперт. 1997. № 23.
3. Надо развести власть с капиталом - считает начинающий вице-премьер // Общая газета. 1997. 11-17 сентября.
4. Яковлев Н.Н. Преступившие грань. М., 1970.
5. Corey L. The Crisis of the Middle Class. New York, 1935.
6. Рожков К., Смирнов А. Кто, как и почему растрчивает инвестиции? // Инвестиции в России. 1997. № 7-8.
7. Huber P. Dekline and Fall of Middle Class and How it Can Fight Back. London, 1996.
8. Косова Л.Б. Разочарование в реформах в различных статусных группах // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 4.

9. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
10. Беррэс Р. Документы американской революции. Тверь-М., 1994.
11. Общественный договор дороже денег // Общая газета. 1998. 19-25 марта.
12. Mayer K.B. Social Stratification in Two Equalitarian Societies: Australia and the United States // Class, Status and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. New York-London, 1966.
13. Social Policy in Western Europe and the USA. 1950-1980: An assessment. London, 1985.
14. Jones K. The Making of Social Policy in Britain 1830-1990. London, 1994.
15. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
16. Taylor-Gooby P. Social Change, Social Welfare and Social Science. New York-London, 1995.
17. Бунимович Е. Средний класс, которого нет, который есть // Новая газета. 1997. 17-23 ноября.
18. Бунимович Е. Сто дней где-то около власти (Записки внезапного депутата) // Новая газета. 1998. 30 марта - 5 апреля.
19. Давыдов Ю.Н. "Картины мира" и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
20. Может ли телевидение быть свободным от морали? // НГ-сценарии. 1997. 29 апреля.

© О. Александрова, 1999